

Содержание

Введение	9
КАТАСТРОФА ПЕРВАЯ	
Чужой среди своих.....	19
Беспечное время	38
Новый мир	64
Холокост.....	98
КАТАСТРОФА ВТОРАЯ	
Свобода	139
Время больших надежд.....	152
Через тернии — к звездам!	197
Оттепель	232
Неотступное прошлое.....	316
КАТАСТРОФА ТРЕТЬЯ	
Гориллище	381
Отчаяние	474
На чужбине.....	561
Государственный инстинкт.....	622
Послесловие	695
Библиография	698
Именной указатель.....	707

...Не могу это читать, научная фантастика меня совсем не интересует. В ней нет никакой познавательной ценности. Авторы вообще об этом не думают, речь идет исключительно о том, чтобы написать и продать текст. Я лучше выберу заурядный роман о ссоре американских, польских или мексиканских супругов на кухне, чем эти галактические небывлицы. Это даже не инфантильность, потому что инфантильные сказки часто бывают забавными. А это совершенно нечитаемо. Я просто не знаю жанра, который был бы мне более неприятен¹.

Станислав Лем, 1982

¹ Tako rzecze... Lem. Ze Stanisławem Lemem rozmawia Stanisław Bereś. Kraków, 2002. S. 194–195. Перевод мой, если не указано иное. — В. В

Введение

«Лем критикует Россию до степени русофобии. Он также выступает с обширной критикой США, Германии и Польши (и других стран), но ни к какой стране не относится так негативно, как к России», — написала немецкая исследовательница поздней публицистики Лема¹. Действительно, в политических текстах Лема, написанных на злобу дня, Россия (а до нее — Советский Союз) предстает если не средоточием всего плохого, то неизменно враждебной Польше страной, против которой хороши любые средства. А в личных письмах Лем иногда проявляет такую ксенофобию, что кажется, будто их написал ярый шовинист. Чего стоит хотя бы такая филиппика, вышедшая из-под его пера в мае 1977 года: «Собственно, все, что следовало сказать о Советах, уже много раз, со старательной артикуляцией, сказано, написано и опубликовано. Я здесь (в Западном Берлине. — *В. В.*), естественно, читаю книги, которых не могу достать в Польше. Среди прочего — воспоминания немцев, которых в год поражения Гитлера, 1945-й, накрыла волна наступления Красной

¹ Пёрцген И. Фельетоны Лема // Пяты Лемовские чтения: сб. материалов Международной научной конференции памяти Станислава Лема / Отв. ред. А. Ю. Нестеров. Самара, 2020. С. 299.

армии. Главным образом — с Поморья (Pommern). Например, заметки одного врача, хотя и графа, верующего, который прошел через тот ад и видел все, на что способны русские, воспитанные в той уродливой системе. Эти воспоминания иногда вторили и моим мыслям и суждениям, разве что я их не излил на бумаге, пусть я и не видел всего, что видел он. Жестокость немцев, которые при Гитлере оккупировали ту или иную страну, при всем своем размахе **НЕСРАВНИМО ИНАЯ**, чем советская. Немцы (начну с банальностей) были методичны, выполняли приказы без личностной вовлеченности, в целом — механически, считали себя Высшей Расой, а нас, евреев, — Ungezeifer, червями для истребления, но такими хитрыми червями, с такой хуцпой, что эти червяки посмели подло мимикрировать под человека. Русские же были распоясанной сворой, безусловно и глухо понимавшей то, что она ниже и хуже других, а потому, насилуя 80-летних старух, между делом убивая, мимоходом уничтожая все проявления благосостояния, порядка, цивилизованного достатка и проявляя в равнодушном разрушении немало Изобретательности, Инициативы, Внимания, Концентрации и Воли, тем самым мстили не столько немцам (**ДРУГИМ**, впрочем) за то, что немцы устроили им в России, сколько миру, лежавшему за границами их тюрьмы, и мстили самым низменным образом — никакие звери не обнаруживают такой, так сказать, **ЭКСКРЕМЕНТАЛЬНОЙ, ЯРОСТИ**, какую обнаружили русские, заполняя своими экскрементами разбитые салоны, больничные палаты, биде, клозеты, гадя на книги, ковры, алтари; в этом обсирании всего мира, который русские к своей большой радости **МОГЛИ** бить, крушить, обосрать, к тому же еще насилуя и убивая (насиловали рожениц и женщин после тяжелых операций, женщин в луже крови, насиловали и срали; а кроме того, **ДОЛЖНЫ** были красть часы, а когда их бедный солдатик не мог ничего отнять у немцев в больнице, поскольку

его опередили, он РАЗРЫДАЛСЯ и заорал, что, если не получит немедленно ЧАСЫ, застрелит троих человек). Однажды в Москве в 61 году¹, после 12 ночи сразу с самолета я попал в ресторан „эсклюзивного отеля“ (на улице толпа других желающих РАЗВЛЕЧЬСЯ бесплатно ломилась в двери гостиницы), и — хоть там никто никого не насиловал, не убивал и не обсирал — я видел ТО ЖЕ САМОЕ, и это произвело на меня незабываемое впечатление, я это назвал безумной ордой, поскольку она не верила в БОГА, то есть я наблюдал людей, из которых выбили все ценности, людей с ампутированной этикой, и это зрелище было невероятно отвратительным. Эти истории и диагнозы известны, а наша цивилизация делает что может, чтобы это скрыть, затоптать, засыпать, не замечать, не признаваться в этом, а если не получается, то объяснять самым простым способом. Советская система как *corruptio optimi pessima* («худшее падение — падение честнейшего» (*лат.*) — В. В.) фактически есть система торговли всеми чертами, на какие оподлившийся человек вообще способен. Предательство и отдача на муки друзей, ложь на каждом шагу, жизнь в фальши с колыбели до могилы, растаптывание традиционных ценностей культуры и бетонирование определенных формальных аспектов этой культуры; в общем, ясно, что эти насилия, убийства и обсирание — одна сторона монеты, а другая — это советское пуританство, викторианство, „родинность“, „патриотизм“, „коммунистическая мораль“ и т. д. Что тут писать и что добавить! И радикально неверующему, как я, мысль о том, что Бога, вероятно, нет, но сатана, пожалуй, есть, если есть Советы, эта мысль должна приходиться в голову снова и снова. Огромная держава с фальшивой идеологией (никто в нее не верит), с фальшивой культурой, музыкой,

¹ Описки Лема. Впервые он приехал в СССР в октябре 1962 года.

литературой, общественной жизнью — все фальшиво от А до Я, и так старательно, с такими репрессиями, с таким полицейским надзором, что прямо-таки напрашивается мысль: КОМУ это может служить лучше, чем Повелителю Мух (Вельзевулу. — *В. В.*)? Я знаю, что его нет, но в ОПРЕДЕЛЕННОМ смысле отсутствие еще и Отрицательного Полюса Трансценденции даже хуже»¹.

«Вот, значит, что думал о нас писатель, которого мы так любили!» — наверное, воскликнет с горечью житель России, прочитав эту эмоциональную речь. Однако у Лема имелись и другие высказывания об СССР, противоположные по духу. Вот, например, что он писал в ноябре 1965 году драматургу Славомиру Мрожеку, делясь впечатлениями от второй поездки в Советский Союз: «Русские и мы — это два мира, разделенные миллионами световых лет, они верят в искусство, оно им нужно как не знаю что, они горят, в любую минуту готовы заняться принципиальными проблемами, днем и ночью — для них без разницы. Это безоглядность какой-то дикой молодости, или <...> они просто не познали еще движения авангарда, и оттого у них еще не девальвировались какие-то смысловые версии слов девятнадцатого века. Они не боятся называть все напрямую — жестко, жадно, они не стыдятся своих чувств, не стыдятся вообще ничего. Может быть, у них наступило время пророков, то есть время, когда писатель выполняет обязанности предсказателя, Господа Бога, любовницы, спасательного плота, благовоения, помазания, посвящения в трансцендентность...»² А вот что он говорил в интервью

¹ *Stanisław Lem. Listy albo opór materii. Wybór i oprac. J. Jarzębski. Kraków, 2002. S. 261–263.* Это отрывок из письма, которое Лем хотел послать своему американскому переводчику Майклу Канделю, но не послал, а написал другое. Однако письмо сохранилось в архиве и было опубликовано при жизни Лема.

² *Stanisław Lem. Sławomir Mrozek. Listy. Kraków, 2011. S. 488.*

1982 года: «Когда готовили „Книгу друзей“¹ на русском и польском языках, множество наших писателей настроили лживые тексты о том, как они любят Советский Союз или как их любят в этой стране. Там есть, пожалуй, лишь один искренний текст — мой. Искренний потому, что приключение, которое я пережил в СССР, невероятно... Температура русских, когда они под впечатлением интеллектуального приключения, куда выше той, что бывает в других странах. Сартр, возвращаясь из Москвы, был буквально пьян от того, как его носили на руках. Я это тоже испытал. Русские, когда кому-то преданы, способны на такую самоотверженность и так прекрасны, что это трудно описать»². И наконец, в том же году, когда Лем опубликовал свое «русофобское» письмо, он расписался в уважении к русской культуре: «Я просто-таки изумлен тем, что поляки внезапно утратили все контакты с Россией — как будто мы переселились куда-то в район Антарктиды. А ведь русская культура была и остается чрезвычайно оригинальной <...> Я питаю некоторую слабость к русской поэзии, которая не рассталась, как это произошло с польской, с рифмованным и ритмизированным стихом. Я до сих пор регулярно читаю русские журналы, особенно научные <...> Я интересуюсь новейшей русской литературой, причем интереснее всего мне кажутся мемуарная литература и репортажи <...> Вот уже 12 лет мы живем в независимом государстве, но, к сожалению, не обладаем даже четвертью всех этих потаенных, приглушенных, придавленных гнетом духовных богатств, которыми могут гордиться русские. Особенно в науке»³.

¹ Księga przyjaciół. Wybór i oprac. I. Sikirycki. Warszawa, 1975 / Книга друзей. Пер. А. Григорьевой. М., 1975.

² Tako rzecze... S. 240.

³ О Польше, России и о «Новой Польше». Беседа Яна Шталки со Станиславом Лемом // Новая Польша. 01.2002. С. 8.

Как один и тот же человек мог говорить столь разные вещи? Может, дело в цензуре? Или Лем менял взгляды? Было и то и другое, но самое главное — первая цитата в восприятии Лема (да и многих поляков) не столь уж противоречит остальным, хоть нам трудно это понять. И дело даже не в том, что Лем отнюдь не ставил знака равенства между Россией и коммунистической властью. Посткоммунистическую Россию он тоже атаковал, и еще как! При этом не забывал регулярно пускать стрелы и в собственный народ. Его немецкий агент Франц Роттенштайнер в интервью 2006 года признался, что среди полученных им от Лема писем «немало решительно антипольских. Множество раз он высказывался о земляках так, как говорят только самые отъявленные враги поляков»¹. А вот что сам Лем заявлял в уже упоминавшемся интервью 1982 года: «Как любой ребенок в Польше, я был воспитан на культе Жеромского, а потому лишь изредка отваживался задаться вопросом, да и то где-то в выпускном классе: как это — Жеромский и Прус? Это ведь период более-менее, с некоторыми подвижками, Достоевского и Толстого! Там „Война и мир“ — а у нас „Фараон“? Там „Преступление и наказание“ — а у нас „Пепел“? В таком сравнении они выглядят ужасно. Если нет точек опоры, можно и „Верной рекой“ восхищаться — но ведь они есть. Там Достоевский со своей антипапской язвительностью, антикатоличеством и антипольским ядом, проблематикой мрачной литературы и философскими рассуждениями, глубже которых в литературе нет, — а у нас? Ничего. И это меня сильно беспокоило»². Вообразите, тот самый Лем, который столь неприязненно отзывался о советских

¹ *Oramus M. Bogowie Lema (pdf)*. Stawiguda, 2016. S. 173. К сожалению, письма С. Лема Ф. Роттенштайнеру пока не опубликованы, так что нам остается верить агенту на слово.

² *Gusta I dyzgusta // Tako rzecze...* S. 223.

солдатах, ставил русскую литературу выше польской! Мало того, как-то он признался в большой любви к симфонической картине Мусоргского «Ночь на Лысой горе» и к творчеству Пушкина — причем заявил это полякам, а не россиянам¹. Нам может показаться, что тут нет ничего особенного (кто не знает великой русской культуры?), но для поляка, окончившего школу до войны, такое признание дорогого стоило. Убеждение в культурном превосходстве над всеми соседями и нацменьшинствами (кроме немцев, пожалуй) — один из основополагающих мифов межвоенной Польши, по сей день укорененный в обществе. Известнейший литературовед Ян Юзеф Липский в 1981 году писал: «Русских средний поляк воспринимает иначе, чем немцев. Эти последние вызывают немало ненависти пополам со страхом, но немало и уважения. А вот к русским наряду с ненавистью (пожалуй, далеко не столь глубокой, как к немцам) и страхом родом из ночных кошмаров о советских танках, стреляющих в польских бунтарей, налицо пренебрежение и чувство превосходства. Откуда оно взялось, черт его знает, но поляки в целом уверены, что русская культура ниже польской»². Зато «русофоб» Лем, как видим, так совсем не считал. Кроме того, он высоко ставил российскую и советскую науку, его письма и публицистические тексты пестрят ссылками на Петра Капицу, Иосифа Шкловского, Василия Налимова, Андрея Маркова — старшего, а журнал «Природа» был одним из двух научных изданий, которые Лем выписывал до самой смерти.

¹ Przyszłość jest otwarta. Ze Stanisławem Lemem rozmawia Tomasz Fiałkowski // Tygodnik Powszechny. 17.09.2001; Między czosnkiem a wiecznością // Gazeta Wyborcza. 16–17.08.2003.

² Lipski J. J. Dwie ojczyzny, dwa patriotyzmy. S. 23–24. URL: <http://otwarta.org/wp-content/uploads/2011/11/J-Lipski-Dwie-ojczyzny-dwa-patriotyzmy-lekkie3.pdf> (проверено 03.11.2021).

Введение

Так как же все вышесказанное сочеталось в одном человеке? Чтобы понять это, надо не только проследить духовный путь писателя, но и постичь страну, в которой он жил. А уже через призму истории Польши в XX веке заглянуть во внутренний мир самого известного польского писателя прошлого столетия. Этим мы и займемся.